Скажите, пожалуйста, не случилось ли вам подстеречь в себе привычки выдавать собственное мнение за итог большинства мнений? Преважно говорить: «Мы думаем, мы полагаем, мы убеждены»,— когда вы не спрашивали ни одной живой души, как она думает или в чем она убеждена! Впрочем, не знаю, как вы, а я, грешный человек, в старину частенько ставил мычащее местоимение «мы» в замену «я». И сперва мне казалось, что я делал это из учтивости, из общежития, для того чтобы мнение мое не показалось резким, чтобы меня не назвали выскочкою, для того что в моих летах не должно сметь

Свое суждение иметь ¹.

Но теперь, когда мои собственные побуждения изверились мне чуть ли не так же, как побуждения других людей, когда я позвал их на суд, на смотр сердца, сорвал все пелены, все венцы и саваны со всего того, что лелеял я в юности, чем пленялся в жизни, что погребал в забвении, я нашел, что с этим пашпортом проживала во мне с незапамятных времен стародавняя страстишка властвовать мнениями или действиями двуногих собратий моих. А в самом деле, произнося «мы», не производил ли я себя в знаменатели многих цифр, в представители многих лиц? Не хотел ли я, выдавая себя за целую дружину, запугать робких, удержать сильных и озадачить толпу, которая вечно бежит за добрыми людьми,— а куда и зачем? В этом ее дело сторона! «Мы» для нее великое дело! Поманите ее

только долею в вашей выдумке, и она не пожалеет ни боков, ни кулаков, хотя, измявши каждого из этой толпы руках, как шапку, вы можете сказать, как Людовик XI: «Я бы сжег ее, если бы она знала мои мысли!»

Но, скажут мне, «мы» не предполагает ни множества, ни большинства: «мы» значит «наша семья», «наш кружок» — не более. Говоря «мы», разумеем нераздельное только мнение нескольких избранных, известных нам людей. В самом деле? Гм! Я не советую, однако ж, звать этих избранных к рукоприкладству этого нераздельного мнения! Правда, они воюют с вами под одним знаменем, читают одно «сгедо», но на втором параграфе выйдет у вас разногласие, на третьем спор, на четвертом противуречие, а там — того и гляди, что дойдет до святых волосов! «Мы» все равно что партнеры виста: действуют, кажется, заодно, а того и смотри, что один другого или перекозырит, или утопит. Стало быть, тот, кто говорит «мы», или сам обманут, или других обмануть норовит. Это предполагает или труса, который швыряет из-за плетня, или хвастуна, который идет в бой с соломенными солдатиками. Терпеть я не могу это журнальное предание, эту *mistress nobody**, это бесполое, безличное существо, какую-то тень, везде и нигде не уловимую, которая, однако ж, ловит, колет вас, подставляет вам ногу, щиплет за усы. То ли дело, когда какой-нибудь удалец отделяется от рядов, выходит на середину, охорашивается от шапки до сапогов и богатырским голосом говорит: «Вот что я сдумал, сгадал, люди добрые! Любо вам — вы согласитесь, хотите — нет! Воля ваша и вера ваша; не хочу чужих перекликать, не хочу и своим уступать; вот оно не купленное, не краденое — я не шел, да нашел его, мне бог дал! И пусть меня после того расстреляют городом эпиграммы или утопят в пресной воде критики».

Господин К. строит свое верование на острие шутки. Исторический роман называет он...²

Но это верование и эта шутка вовсе не нова, ново только примечание. Точно то же и точно так же говорили о смешении трагедии с комедиею в драме, но драма, несмотря на это, живет себе и проживет еще веки, посмеиваясь сквозь слезы. А в доказательство, что она не убудок, не туман, она дает потомство, которое не прекратится

* миссис никто (англ.). — Ред.

до тех пор, покуда у гениев будет душа, а у зрителей человеческие сердца. Я полагаю даже, что камень, брошенный в исторический роман, летит не в бровь, а в самый глаз и драме исторической, потому что тот и другая, по мне, есть двуличный Янус— одна и та же мысль, выраженная двояким образом: тут лишь действием, там действием и описанием. Роман есть та же драма с тою только разницею, что кулисы заменяют в нем описанием.

С другой стороны, самая история не что иное, как роман. Человеческие страсти и пристрастия всегда переиначивали истину. Один историк всему верит, другой не верит ничему. Тот обманывает с умыслом, этот обманывался ненароком. Из этого выходит, что события или разногласны, или сомнительны, или вовсе ложны. Бросьте же в печку события! Давно сказано: «The proper shady of mankind is man» *,— ищите человека в истории, и если не увидите в авторе минувших веков и вековых людей, зато в самом авторе вы узнаете людей, с кем он жил, узнаете век, в котором он жил.

История любит массы, роман — частности. Неужели же целая масса происшествий и характеров для нас будет мертва оттого, что она прошла. Но расстояние времени? В таком случае возьмитесь вы за настоящее: оно все-таки будет минувшее, когда вы напишете полслова, а как скоро оно впало в прошлое, то для воображения все равно, случилось ли это вчера или двадцать лет назад...

Публикуется впервые. Автограф находится в ЦГАОР (ф. 109, I экспедиция, ед. 61, ч. 53, лл. 88—91 об.), среди рукописей других произведений Бестужева, не разрешенных к печати Л. В. Дубельтом (см. там же, л. 149).

Материал датируется предположительно концом 1820-х — началом 1830-х годов, так как именно в этот период нарастает интерес Бестужева к затронутым здесь проблемам, в частности, к специфике исторического романа, к соотношению истории и современности. И по содержанию и по стилю «Мысли и заметки» перекликаются с его же статьей «О романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем».

¹ Цитируется «Горе от ума» А. С. Грибоедова (д. 3, явл. 3). Реплика Молчалина.

² Сюда, по-видимому, должно было быть вписано определение исторического романа, принадлежащего К., и вызвавшее полемические

замечания Бестужева. Однако поиски этого определения остались безрезультатны. Неизвестно, и кто скрывается под криптонимом «К.»: старый ли оппонент Бестужева П. А. Катенин, завоевавший шумную известность Н. В. Кукольник или кто-либо другой. Можно лишь предполагать, что К. был как-то связан с исторической драмой, и этим объясняется полемический выпад Бестужева, заметившего, что «камень, брошенный в исторический роман, летит не в бровь, а в самый глаз и драме исторической».